РИТА РАЙЗ

МАЙОР, Я ВАМ НЕ НЯНЯ!

Рита Райз
Майор, я вам не няня!

https://litres.ru/74902922
SelfPub; 2026

Аннотация

Я нанимаюсь няней к майору всего на три недели. Приезжаю со своей пятилетней дочкой, собираюсь заработать недостающую сумму на детскую студию и тридцатого декабря вернуться домой.

У Олега Руднева на все есть расписание. Даже новогоднюю елку он считает лишней суетой. Только его восьмилетний сын почему-то совсем не рад такому порядку. Что ж, с упрямыми детьми я умею договариваться. Теперь придется попробовать с их отцом.

Я готова к спорам, но совершенно не готова к тому, как он смотрит на меня. И к поцелую возле елки, которой в этом доме вообще не должно было быть.

Когда майор предлагает остаться навсегда, мне хочется согласиться. Вот только в его планах для моей студии места не находится.

Майор, я нанималась заботиться о вашем сыне. Если хотите, чтобы я осталась с вами, придется пригласить меня совсем иначе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рита Райз
Майор, я вам не няня!

Глава 1

— Зайцу тоже нужны сменные тапочки? — спрашивает Даша.

Мужчина, который держит наш чемодан, смотрит на заячьи лапы с такой серьезностью, что я заранее начинаю за них переживать.

— Он ходил по улице?

— Нет. Он ехал в сумке.

— Тогда не нужны.

Дочь прижимает к себе игрушку, а я стараюсь не улыбаться. До тридцатого декабря нам жить в этом доме, и с порога смеяться над работодателем, пожалуй, рано. Хотя собеседование по видеосвязи не готовит меня к тому, что здесь даже плюшевому зайцу придется подтвердить чистоту биографии.

— Проходите, Марина. Пол теплый.

Олег Руднев отступает от двери. На экране он казался просто крупным, но в узкой прихожей выясняется, что моя оценка нуждается в уточнении. Мне приходится поднять голову, чтобы встретиться с его взглядом. У него коротко остриженные темные волосы с сединой у висков и лицо че-

ловека, который не любит повторять дважды. Пожарно-спасательной частью, наверное, удобно руководить с таким лицом. Детьми — не уверена.

Я знаю о нем то, что нужно для работы. Сорок три года, вдовец, сыну восемь. Майор внутренней службы. Рекомендации на меня он проверил так обстоятельно, словно я собиралась увести его часть вместе с машинами, и это меня скорее успокоило. Хуже, когда ребенка готовы оставить первой женщине, которая обещает недорого и без выходных.

— Даш, давай куртку.

Она торопится просунуть голову в еще не расстегнутый ворот, и зайца временно приходится принять Рудневу. В его руке тот становится особенно несерьезным. Олег терпеливо ждет, пока мы справимся, после чего возвращает игрушку за туловище, а не за ухо.

Уже хорошо.

В доме пахнет запеченной курицей и деревом. С лестницы видна гостиная с серым диваном, у окна стоит письменный стол, а на стене висит большая фотография мальчика с рыбой. Дом обычный, жилой, хотя диванные подушки лежат так ровно, что я невольно поправляю шарф на своей шее.

— Тимофей, мы приехали, — говорит Олег.

Мальчик появляется у лестницы не сразу. Он тонкий, темноволосый, в домашней футболке, заправленной в брюки. Здоровается, глядя куда-то на мою сумку.

— Это Даша, — представляю я дочь. — А я Марина. По

телефону мы с тобой уже разговаривали.

— Помню.

Даша в ожидании смотрит на него. В прежнем саду она привыкла, что новые дети или тянутся к ее зайцу, или спрашивают, почему у него перевязана лапа. Тимофей не интересуется ни зайцем, ни бинтом.

— Он у нас ветеринарный, — на всякий случай сообщает дочь.

— Ясно.

С этим ясным мальчик уходит на кухню, и я успеваю придержать Дашу за плечо, прежде чем она двинется за ним объяснять устройство заячьей лечебницы.

— Давай сначала устроимся.

Наша комната наверху, напротив небольшой ванной. Две кровати, шкаф и стол у окна, на котором свободно поместится мой ноутбук. За стеклом темнеет сад, а над соседским забором мигает золотая звезда. Даша первым делом выбирает кровать возле батареи и сажает на подушку зайца.

— До окна горячо не будет? — спрашивает Олег. — Могу прикрутить.

— Пока нормально. Спасибо.

Он ставит чемодан у шкафа и показывает розетку за столом. На этом хочется закончить экскурсию, снять свитер и вытянуть затекшую в машине спину, но Руднев достает из папки несколько листов.

Я тоже достаю свою папку.

На секунду мы смотрим друг на друга с неожиданным пониманием.

— Основное мы обсудили, — говорит он. — Здесь телефоны и распорядок Тимофея.

— Здесь подписанный экземпляр нашей договоренности.

— Хорошо.

Он произносит это так, будто я выдерживаю первый норматив.

Мы спускаемся на кухню, где Тимофей уже сидит с книгой. Даша устраивается на соседнем стуле и кладет зайца на третий.

— Это папино место, — тихо говорит мальчик.

Она немедленно забирает игрушку.

— Пусть пока посидит, — разрешает Олег. — Я постою.

Он наливает мне чай и кладет распорядок между нами. Подъем, школа, уроки. Два вечера, когда из-за службы он может вернуться поздно, отмечены отдельно. Мне не нужно изображать круглосуточную батарейку, и свои свободные часы я вижу там же, где мы их согласовали по телефону.

— Девятнадцатого я уеду смотреть помещение, — напоминаю я. — После обеда.

— Помню. Я буду дома.

— И тридцатого вечером мы с Дашей возвращаемся к себе. В январе у меня уже занятия.

— Вы говорили.

— Я на всякий случай. Перед праздниками «на пару

дней» имеет свойство доживать до весны.

Олег смотрит на меня поверх кружки. Глаза у него серые, с более темным ободком, и прямой взгляд немного раздражает. Под ним хочется сидеть ровнее, а я приехала работать, не поступать в кадетский корпус.

— Тамара Петровна возвращается тридцатого. Продлевать договоренность без вашего согласия я не собираюсь.

— Отлично.

Мы сверяем питание Тимофея, дорогу от школы и номера людей, которым можно позвонить. Когда речь доходит до ужина, я уточняю:

— Я готовлю ребенку, иногда сразу на двоих детей. Вашу еду отдельно не планирую.

— Я умею готовить, Марина.

— Верю. Курица пахнет убедительно.

— С уборкой то же самое. Порядок после детских занятий, остальное меня устраивает как есть.

Его взгляд останавливается на зайце, которого Даша уже укладывает под салфетку. Ладно, почти как есть.

Телефон сообщает о переводе первой половины оплаты. Я вижу сумму, и внутри приятно отпускает тугой узел. Работа хорошо оплачивается, потому что временная, с проживанием и дополнительными вечерами, а декабрь не самое удобное время искать замену. Вместе с моими накоплениями этих денег хватит на первый платеж за комнату и недостающие материалы. Если, конечно, я не начну скупать все деревян-

ные конструкторы, какие встречу.

До закрытия нашего частного сада собственная студия оставалась красивой мыслью на потом. В конце ноября владелец рассчитался с сотрудниками и запер дверь, тем самым очень помогая мне определиться с этим потом.

Съемная квартира оплачена. Голодать нам не придется. Но просыпаться в январе без дела и снова листать чужие вакансии я не хочу.

— Что-нибудь еще? — спрашивает Олег.

Я прячу телефон.

— Да. Мне хотелось бы, чтобы Тимофей сам показал свои вещи. То, что посчитает нужным.

Мальчик поднимает голову.

— Папа уже показал.

— Папа показал мне дом. А ты лучше знаешь, что у тебя где лежит.

Он думает, явно разыскивая самый необременительный способ отделаться от новой няни. Потом закрывает книгу.

— Учебники наверху.

Я иду следом одна. Даше обещаю вернуться через десять минут, и Олег пододвигает к ней тарелку с яблочными дольками. Кажется, насчет обычного питания в этом доме можно не тревожиться.

В комнате Тимофея аккуратно, но под столом прячется коробка с обрезками картона. На подоконнике стоит собранный из конструктора подъемный кран. Его стрела поворачи-

вается на самодельной проволочной петле, и я задерживаюсь возле нее.

— Работает?

— Если не тяжелое поднимать.

— Сам придумал?

Он кивает, затем поспешно открывает ящик.

— Здесь тетради. Ужин в семь.

— Я уже запомнила. А кран мне нравится.

Тимофей смотрит на него, будто проверяет, за что именно. Я не трогаю конструкцию и не продолжаю расспросы. Знакомство тоже может устать, если его слишком крепко держать за руку.

За ужином Даша роняет макаронину, а я ловлю себя на желании немедленно извиниться перед хозяином дома. Вместо этого даю дочери салфетку. Олег рассказывает сыну о звонке школьного приятеля, и Тимофей отвечает вполне обычным голосом, даже улыбается, когда вспоминает какую-то их общую историю. Значит, улыбка есть. Уже легче.

Потом Даша замечает за окном соседскую звезду.

— Мам, а нашу маленькую елку мы привезем?

— Посмотрим, где ее можно поставить.

Я обращаюсь к Олегу:

— Вы когда собираетесь украшать дом? Чтобы я понимала, что детям планировать.

Вилка в руке Тимофея замирает над тарелкой.

— Не собираемся, — отвечает Руднев. — Елки не будет.

— Совсем?

— Еще учеба идет. Лишняя суета ни к чему. Подарок Тимофей получит.

Он произносит это спокойно, словно обсуждает замену перегоревшей лампочки. Мальчик сразу опускает глаза.

— Мне и не надо, — говорит он.

Руднев кивает и просит передать хлеб. Я подвигаю корзинку, не задавая следующего вопроса.

За окном снова вспыхивает звезда. Даша тянется посмотреть, а Тимофей старательно наматывает на вилку одну-единственную макаронину. Еще секунду назад он так ждал ответа, что забыл про еду. Теперь сидит ровно и всем своим видом помогает отцу не заметить ничего лишнего.

Я приехала сюда всего на три недели.

Похоже, простыми они не будут.

Глава 2

В половине восьмого утра я способна любить человечество только издали. Желательно из-под одеяла. Но сегодня одиннадцатое декабря, у Тимофея школа, а у меня новая работа, поэтому я стою на кухне и пытаюсь отличить банку с чаем от банки с кофе.

— Правая, — подсказывает Олег.

Он уже одет, и на темной форме его плечи выглядят еще шире. Вид бодрого мужчины до рассвета вызывает во мне подозрение.

— Я так громко думаю?

— Вы третий раз открываете одну и ту же банку.

— Проверяю, не изменилось ли содержимое.

Он достает кружку. Я жду замечания про режим, но Олег просто ставит ее рядом с кофейником.

— Тимофея отвезу сам. Встретить сможете?

— Конечно.

Рядом с ним мальчик ест кашу. Изредка они обмениваются короткими фразами про урок труда и потерянный в классе ластик. На прощание Олег кладет сыну ладонь на затылок, и Тимофей на мгновение прислоняется к нему. Я отворачиваюсь к кофейнику, оставляя им эти несколько секунд.

После школы мальчик выходит со сверстником и что-то оживленно доказывает, размахивая папкой. Заметив нас,

сразу становится тише. Даша машет ему так, будто встречает корабль из дальнего плавания.

— Мы нашли собаку! — объявляет она.

— На картинке, — уточняю я, пока Тимофей не начал искать пополнение семьи у меня за спиной. — На витрине зоомагазина.

— Она там работает.

Тимофей косится на дочь и сдерживает улыбку.

Дома он моет руки и идет к столу с учебниками, хотя до указанного в расписании времени еще двадцать минут. Я предлагаю сначала поесть и немного отдохнуть.

— Уроки надо сделать до пяти.

— Сделаем. У тебя сколько?

Он показывает дневник. Заданий немного, однако перед тем, как согласиться на обед, Тимофей все равно проверяет лист на холодильнике.

— После супа хочешь начать с русского или с математики?

— С математики.

— Тогда так и поступим.

Этот маленький выбор дается ему с подозрением. Он даже заглядывает в суп, будто я могу спрятать там педагогический подвох.

Пока Тимофей решает примеры, Даша возле меня превращает зеленый лист в елку. Ножницы ей еще не слишком послушны, зато замысел широк. На верхушке должна сидеть

кошка.

— Почему кошка? — спрашивает мальчик, не отрываясь от тетради.

— Она залезла.

Возразить трудно.

Я собираюсь поставить елку в нашей комнате. Украшать весь дом без согласия хозяина в мои планы не входит, но собственный стол мы вправе сделать праздничным. Даша уже обклеивает его бумажную хозяйку желтыми кружками, когда елка заваливается на бок.

— Она спит, — немедленно решает дочь.

— Подставка плохая, — говорит Тимофей.

Он все еще пишет. Я не предлагаю ему спасать нас, хотя очень хочется. Через минуту мальчик закрывает тетрадь и тянется к картону.

— Можно?

— Бери.

Он вырезает два коротких прямоугольника и делает в каждом прорезь. Когда детали соединяются крест-накрест, елка наконец стоит. Даша осторожно трогает макушку.

— Теперь кошка не упадет.

Тимофей смотрит на результат с тем сдержанным удовольствием, которое я хорошо знаю по детям, привыкшим слышать похвалу только за идеальную работу.

— Спасибо, — говорю я. — Сама бы я снова приклеила ее к коробке.

— Коробка большая. Некрасиво будет.

— Согласна.

Он остается за столом и рисует на обрезке картона окно. Вчерашний разговор крутится у меня в голове, но я выжидаю, пока рядом с окном появится дверь.

— Тим, а тебе какая елка нравится? Настоящая или искусственная?

Карандаш останавливается.

— Никакая. Мне не надо.

— Поняла.

Я возвращаюсь к Дашиной кошке. Мальчик ждет продолжения, потом медленно дорисовывает трубу на своем домике.

— А это у тебя что будет?

— Просто дом.

— У меня в сумке две маленькие коробки. Если хочешь, можем сделать улицу. Я одну сторону, вы другую.

Даша немедленно требует магазин, где продаются только ватрушки. Тимофей объясняет, что магазин не может быть размером с жилой дом. Через несколько минут у них уже серьезный спор, и мне приходится положить между ними линейку, чтобы разговор о размерах получил хоть какую-то опору.

Я рисую фасад без притязаний на архитектурную ценность. Тимофей следит за мной исподтишка, а потом не выдерживает:

— У вас дверь на втором этаже.

— Будет лестница.

— Где?

Хороший вопрос. Мне нравится, что он уже не боится его задавать.

К возвращению Олега на столе лежит будущая улица, а на полу — несколько обрезков, от которых невозможно избавиться окончательно, пока рядом работает Даша. Его взгляд сначала задерживается на них, потом на сыне.

— Уроки сделал?

— Да.

— Русский проверили?

— Проверили, — отвечаю я. — В двух местах Тим сам нашел ошибки.

Олег расстегивает ворот и подходит к столу. Домик с дверью на втором этаже вызывает у него явные сомнения.

— Это временная архитектурная трудность, — объясняю я. — Не оценивайте строго.

— А лестница?

Тимофей неожиданно фыркает.

— Я тоже спросил.

Я смотрю на них с притворным укором.

— Прекрасно. Теперь вас двое.

Олег улыбается краем рта, но улыбка исчезает, когда Даша приносит свою елку.

— Мы же вчера обсудили украшения.

— Она будет у нас в комнате.

— Я про всю эту суету. Тимофею вечером нужно отдыхать.

— Он сейчас отдыхает.

Мальчик начинает складывать картон. Ничего ему пока не велят, но он заранее готов уступить стол и вечер. Я придерживаю крышку коробки.

— Тим, клей еще не высох. Оставь домик здесь, пожалуйста.

Олег смотрит на мою руку. Я понимаю, что сейчас могу испортить больше, чем исправить, и предлагаю детям помыть руки перед ужином. Когда они выходят, поворачиваюсь к Рудневу.

— А сына вы спросили?

— О чем?

— Нужна ли ему вся эта суета.

— Марина, вы здесь сутки.

Голос остается негромким, но становится жестче. Я чувствую, как сама выпрямляюсь.

— Достаточно, чтобы увидеть, как он бросает занятие, которое ему нравится.

— Вы уже знаете, что ему нравится, а я, по-вашему, нет?

Вот теперь я слышу собственный тон со стороны. Совсем не тот, которым собираюсь начинать работу в новой семье.

— Я сейчас говорю слишком резко, — признаю я. — Простите. Я не знаю всей вашей жизни. Но за этим столом он

полчаса смеялся и сам придумал, как поставить крышу. Когда вы вошли, сразу начал убирать. Хотя никто его не просил.

— Вещи после себя нужно убирать.

— После. Они еще не закончили.

Он отводит взгляд к недостроенному городку. У Руднева усталое лицо, и в первый раз я замечаю глубокую складку между бровями. Наверное, рабочий день у него тоже не состоит из благодарных людей и хорошо решенных вопросов.

— Я не собираюсь устраивать праздник за вашей спиной, — говорю тише. — И спорить при Тимофее тоже не хочу. Посидите сегодня с нами немного. Просто посмотрите, что у него получается.

— Без ваших выводов о моем отцовстве?

Мне приходится проглотить уже готовый ответ.

— Без выводов.

Олег кивает и идет переодеваться. Я остаюсь у стола, совершенно не уверенная, что этот разговор можно отнести к моим профессиональным удачам.

После ужина Тимофей спрашивает, можно ли закончить крышу. Отец разрешает и садится рядом с ним. Даша переносит свою елку наверх, а я нахожу для упрямой двери подходящую лестницу, которая занимает половину улицы.

— Слишком круто, — замечает Олег.

— Вы обещали просто смотреть.

— Я и смотрю. Ходить по ней не рискнул бы.

В его голосе появляется такая сухая насмешка, что я не сразу понимаю, шутит ли он. Потом встречаюсь с его взглядом и улыбаюсь.

Тимофей двигает к отцу свой домик.

— Пап, подержи, пока схватится.

Олег берется за края, но крыша съезжает, и сын поправляет его пальцы.

— Не так. Здесь меньше надо давить.

Я замираю с ножницами в руке.

— Так? — спрашивает Руднев.

— Ага. А внутри у меня будет свет. Только нужно подумать, как провод провести.

Он говорит быстрее, показывая будущий ход под картонным основанием. Олег слушает, не отпуская крышу. Я наклоняюсь над своей лестницей, чтобы не мешать им взглядом, но уголки губ никак не хотят опускаться.

Через десять минут Руднев все еще сидит рядом с сыном. Чай в его кружке успевает остыть.

Глава 3

Тринадцатого декабря наш город получает право на существование за пределами обеденного стола. Тимофей возвращается из школы с предложением принести фотографию поделки в класс и начинает чертить новое основание, потому что старое, по его словам, несерьезное.

— Завтра можно купить набор, — предлагает Олег, разглядывая чертеж. — Видел хороший. Там и дороги, и подсветка.

Тимофей убирает линейку.

— Можно.

Его согласие уже знакомо мне. Оно появляется раньше, чем он успевает решить, согласен ли на самом деле.

— Тим, а свой мост ты тогда куда поставишь? — спрашиваю я.

— Не знаю.

— Покажи папе. Вдруг в наборе такого нет.

Мальчик разворачивает чертеж. Между двух коробок у него перекинута дорога с полоской бумаги, которая поднимается на нитке, пропуская корабли. Реки пока нет, зато техническая мысль уже требует судоходства.

Олег наклоняется ближе.

— Ты сам хочешь сделать?

Тимофей кивает.

— Так бы и сказал.

Я прикусываю язык. Слова про то, что иногда для этого нужно чуть больше времени, прекрасно проживут и невысказанными.

— Под основание подойдет фанера? — спрашивает Олег. — У меня в кладовке есть кусок. Обрежу по размеру.

— Только реку не надо рисовать. Я сам.

— Реку не трогаю.

Они договариваются о размере, а мне достается спор с Дашей. Она хочет, чтобы у пекарни была розовая труба и три двери, поскольку одной будет неудобно пользоваться зайцам.

— Зайцы могут входить по очереди, — говорю я.

— Они голодные.

Когда мне удается спасти фасад от третьего входа, Тимофей приносит план. На месте пекарни он предусматривает пожарную часть.

— Там же ватрушки, — напоминает дочь, прижимая к себе домик.

— Здесь выезд. Если машинка поедет, ей некуда поворачивать.

— Пусть туда поворачивает.

— Там река!

Даша смотрит на пока еще сухую фанеру с обидой человека, которого пытаются обмануть на ровном месте.

Я собираюсь предложить перенести пекарню к мосту, но

Олег уже проверяет поворот маленькой красной машинкой. Двигает ее, снова пробует, затем поднимает глаза на сына.

— Не проходит. База велика.

— Я же говорю.

— Значит, части надо искать другое место.

Тимофей удивленно смотрит на него.

— Но там лучше.

— Для части лучше. Для пекарни хуже. Она первая построена.

— Пап, ты же начальник.

— В другой части. Здесь пока без должности.

Я смеюсь, прежде чем успеваю спрятать это в кашель. Олег поворачивается ко мне с совершенно невозмутимым лицом, только глаза выдают его с головой.

— Ватрушку будете? — спрашиваю я. — За помощь местному населению.

— Настоящую?

— Пока из пластилина.

— Тогда от должности воздержусь.

Пожарной части достается участок возле поворота. Тимофей ворчит, что придется менять разметку, но Даша обещает выдавать водителям по булке, и хозяйственный спор наконец заканчивается.

Моя помощь с мостом тоже требует сдержанности. Я уже тянусь выровнять полоску, когда замечаю, как Тимофей следит за моей рукой.

— Держать надо?

— Только с этой стороны.

Я держу. Полоска приклеивается слегка наискосок, зато мост поднимается. Мальчик пробует его несколько раз, и с каждым разом корабль проходит увереннее.

К вечеру спина от сидения начинает ныть, а Даша объявляет, что все жители города хотят спать. Я горячо поддерживаю их намерение.

Когда дочь засыпает, приходится спуститься за зарядкой. На кухне горит мягкий свет над столешницей, и Олег стоит у городка с куском картона в руке.

— Если вы собираетесь перестроить пожарную часть, я буду свидетельствовать против вас, — говорю я.

— Я собираюсь убрать отходы производства.

Он раскрывает мусорный пакет. Я присоединяюсь, сдвигая коробку с инструментами в угол. Наши пальцы встречаются на ручке ножниц, и Олег сразу отпускает, хотя первым берется он.

— Еще чай?

Мне пора ложиться, но я почему-то рассматриваю часы так долго, будто решаю сложный вопрос.

— Немного.

Он ставит чайник, а я замечаю, что на нем обычная темная футболка с мягким вытертым воротом. В ней он выглядит иначе, чем в форме. Не менее крупным, зато до удивления домашним. На предплечье белеет узкий старый шрам.

Я отвожу глаза, когда понимаю, что слишком долго изучаю его руку.

— Другой сад не рассматриваете? — спрашивает он. — Тамара Петровна говорит, вас готовы взять.

— Рассматриваю на случай, если со своими группами ничего не получится. Но сначала хочу попробовать.

— Почему именно свое?

Я обхватываю теплую кружку ладонями.

— У меня есть занятия, которые я давно хочу сделать. Чтобы дети могли строить целую неделю, например. В обычной группе вечером всё приходится убирать, утром другое занятие, потом подготовка к празднику. А у них там город недостроенный и корабль не проходит.

— Теперь понимаю, откуда у нас река.

— Нет, это Тимофей. У меня обычно скромнее. Вулкан хотя бы не действующий.

Он смеется низко, совсем негромко. Этот звук неожиданно хочется услышать еще раз.

— Начну с нескольких групп по два занятия в неделю. Комнату буду снимать по часам в детском центре. Свой дворец пока не потяну.

— А материалы где хранить?

— Вот это я и хочу выяснить на осмотре. Возить в автобусе весь город не хочется.

Я рассказываю про узкие полки, про большие контейнеры с крышками, которые должны открываться детскими рука-

ми, и слишком поздно замечаю, что говорю уже несколько минут. Олег слушает, подперев подбородок ладонью.

— Извините. Меня иногда заносит.

— Я заметил.

— Могли остановить.

— Зачем?

От простого вопроса становится неловко. Я привыкла останавливаться сама, заметив первый вежливый взгляд в телефон. Его телефон лежит у микроволновки экраном вниз.

— Вам правда интересно?

— Да. Вы совсем иначе говорите, когда рассказываете о своем деле.

— Менее вежливо?

— Быстрее. И руками помогаете.

Он смотрит на меня с легкой улыбкой. Я опускаю ладонь, которой только что изображала будущую полку, и чувствую себя почему-то более заметной, чем днем в ярко освещенной кухне.

— А вы что делаете, когда не командуете? — спрашиваю я, чтобы перестать думать о его взгляде.

— Сегодня вот картон держал.

— Кроме повышения квалификации.

Олег откидывается на спинку стула.

— Раньше плавал. Сейчас чаще просто хожу. Люблю ехать куда-нибудь без остановок каждые десять минут.

— Со мной не получится. Я обязательно увижу вывеску

«горячие пирожки».

— За пирожками остановиться можно.

— Уже есть о чем договариваться.

Мы смотрим друг на друга чуть дольше, чем требует шутка. Я делаю глоток и обжигаю язык, потому что забываю проверить чай.

— А у вас? — спрашивает Олег. — Кроме детей и будущей студии.

Мне приходится подумать, и это слегка пугает.

— Танцы. Я хорошо танцую, когда никто не пытается объяснить мне, как правильно. Еще люблю старые комедии и отвратительно громко смеюсь над тем, что знаю наизусть.

— Это не страшно.

— Вы не слышали.

— Сегодня слышал.

Его голос становится тише. Я чувствую, как тепло поднимается к щекам, и мысленно ругаю свою кожу за отсутствие трудовой дисциплины.

— Про кино, кстати, — продолжает он. — Вчера включил один фильм, Тимофей сказал, что папа опять смотрит про старых людей.

— Сколько тем людям?

— Лет сорок.

— Ужас. Они там без посторонней помощи ходят?

Он смеется открыто, и мне становится так приятно, словно я действительно добиваюсь чего-то важного.

Чай заканчивается, но мы еще некоторое время спорим о том, можно ли заранее знать весь фильм и не испортить себе удовольствие. Руднев уверен, что можно. Я на его стороне, однако сообщать об этом слишком рано не собираюсь.

Когда встаю, он тоже поднимается и оказывается совсем близко. Мне достаточно слегка наклониться, чтобы задеть его плечом. Я поправляю край свитера, хотя он и без того лежит ровно.

— Спокойной ночи, Марина.

Мне нравится, как он произносит мое имя. Неторопливо, без служебного продолжения про уроки или ужин.

— Спокойной ночи.

Наверху Даша спит поперек кровати, а заяц головой свешивается с подушки. Я устраиваю их поудобнее и открываю на телефоне заметку с расходами на студию. За доставку стеллажа надо будет заплатить отдельно. Еще нужны клеенки.

Смотрю на цифры, а думаю о мужчине на кухне.

Завтра он обещает вернуться поздно. Мне уже жаль.

Глава 4

Птица появляется у нас на столе пятнадцатого декабря, когда Даша требует заселить город кем-нибудь, кроме нарисованных людей.

— Они не разговаривают, — жалуется она.

— Потому что у них работа, — отвечает Тимофей.

— У всех?

— Да.

— А после работы?

Я прячу улыбку за кружкой. Спор обещает быть долгим, но Тимофей вдруг говорит, что у него кое-что есть, и уходит наверх.

Мы уже несколько дней живем с картонными домами на краю обеденного стола. На время еды их приходится сдвигать, и Олег находит для основания отдельную низкую тумбу. Сейчас можно строить, не опасаясь, что суп вторгнется в жилые кварталы.

Тимофей возвращается с плоской коробкой. Открывает ее осторожно, придерживая крышку, и достает белую бумажную птицу на нитке.

Она не слишком красива. Один бок чуть помят, желтый клюв велик для небольшой головы, а серебристый кружок на крыле держится за один край. В этой неловкости есть что-то очень детское, и я решаю, что мальчик просто стеснялся

показать свою старую работу. Восемь лет — уже возраст, в котором вещи, сделанные в пять, требуют особого представления.

— Она может над городом летать, — говорит Тимофей.

— Можно подвесить, — соглашаюсь я. — Только сначала выберем место, чтобы не задевать.

Даша тянется к нитке, но останавливается, заметив, как мальчик отводит птицу к себе.

— Можно мне посмотреть?

Он колеблется.

— Только держи снизу.

Я пододвигаю стул, и дочь берет игрушку обеими ладонями. Рассматривает клюв, осторожно дует на нитку. Серебристый кружок колышется, а птица наклоняется к ее запястью.

— Она хочет пить, — сообщает Даша.

— Не надо ей ничего, — быстро отвечает Тимофей.

— Я понарошку.

Все происходит на самом обычном движении. Даша хочет повернуть птицу ко мне, крыло цепляется за рукав, и сухая старая бумага рвется с едва слышным звуком. Один край остается у дочери между пальцами.

Тимофей выхватывает игрушку.

— Я сказал, снизу!

Даша так пугается его голоса, что роняет оторванный кусочек на пол. Я поднимаю его раньше, чем она успевает сдвинуть ногу.

— Тихо, сейчас посмотрим.

— Не трогайте!

Он прижимает птицу к груди, отступает от стола. Его лицо резко бледнеет, а губы дрожат от усилия. Я хорошо знаю эту секунду перед слезами, когда ребенку важнее всего сохранить вид, что ничего не случается.

— Тим, у меня есть такая бумага. Мы сделаем новую, даже красивее, посмотри…

— Не надо новую!

Он говорит так громко, что я замолкаю. Даша прячет лицо у меня под локтем.

— Я нечаянно, — выговаривает она.

— От этого не целая!

Мне хочется быстро прекратить ее слезы и его отчаяние. Найти прозрачный клей, расправить крыло, доказать, что ничего непоправимого нет. Но мальчик стоит, прижав кулаки к бокам, и не отдает игрушку. А я слышу свою фразу про новую птицу и уже понимаю, насколько не вовремя ее произношу.

В прихожей открывается дверь. Олег входит, еще не сняв куртку, и замирает при виде нас.

— Что произошло?

Я объясняю коротко. Он смотрит на птицу, и лицо его меняется.

— Тимофей. Я же говорил, старые вещи надо хранить в коробке. Зачем ты дал ее трогать?

Мальчик сразу перестает дрожать. Это должно было бы меня обрадовать, но получается гораздо страшнее. Он просто как будто отодвигается от всех нас, оставаясь на месте.

— Больше не дам.

Птица скрывается в коробке. Тимофей прижимает крышку ладонью и уходит наверх. Не хлопает дверью, не кричит нам вслед. Даша плачет уже в голос.

— Иди переоденься, — говорю я Олегу и только потом понимаю, что обращаюсь к нему на «ты».

Он, кажется, не замечает. Стоит еще секунду, потом медленно расстегивает куртку.

Я уношу Дашу в нашу комнату. Она большая для рук, колени упираются мне в бок, но сейчас ей нужно именно это. Мы садимся на кровать, и дочь размазывает слезы по моему плечу.

— Я не хотела.

— Знаю.

— Я же спросила.

— Ты все правильно сделала, что спросила. Просто бумага старая. Она легко рвется.

— Он со мной не будет играть?

Я глажу ее горячий затылок.

— Сейчас он очень расстроен. Дадим ему немного времени.

— А потом?

Обещать, что потом он забудет и сразу полюбит Дашу, бы-

ло бы удобно. Я могла бы быстро ее успокоить. Вместо этого говорю, что мы попробуем поговорить, когда Тимофей сможет слушать, и дочь опять начинает всхлипывать.

Мне тяжело выдерживать ее слезы. Всегда тяжело, хотя на работе я умею выглядеть человеком, которому подобное совершенно не в новинку.

Когда Даша наконец отпускает мою шею, я приношу ей воды. Мы читаем знакомую книжку про маленького ежика, но до конца не добираемся. Она спрашивает, сколько здесь осталось жить, и я отвечаю, что до тридцатого.

— А дома никто не будет сердиться на зайца?

— На зайца и здесь никто не сердится.

Она кладет игрушку под одеяло. Я смотрю, как старательно дочь прячет потрепанное ухо, и чувствую беспомощную злость на весь вечер, хотя винить в нем некого.

Ужин проходит тихо. Тимофей отвечает на вопросы, ест и уносит свою тарелку. Даша всякий раз следит, не посмотрит ли он в ее сторону. Олег предлагает сыну проверить птицу вместе, но слышит короткое «потом».

После ужина я остаюсь у кухонного окна. Отражение в стекле у меня усталое, волосы выбиваются из резинки. Рядом возникает отражение Олега.

— Это они с Ольгой делали, — говорит он.

Я поворачиваюсь.

Он держит в руке маленький обрывок крыла. Я положила его на кухонную полку, когда подняла с пола, чтобы больше

ничего не потерялось.

— На последний Новый год. Тимофей тогда решил, что елка должна быть как лес, а в лесу живут птицы.

Олег садится к столу. Мне вдруг хочется, чтобы он продолжал, хотя спрашивать я не решаюсь.

— Оля терпеть не могла вырезать. Всё у нее было криво. Вот клюв, например. Она его приклеила, а Тим сказал, что это не птица, а чайник.

Он смотрит на белую полоску, зажатую между пальцами. На лице появляется слабая улыбка и сразу исчезает.

— Пришлось убеждать, что вид редкий. Специально для нашей елки.

Я представляю маленького Тимофея над столом, молодую женщину с ножницами. Впервые Ольга перестает быть одной строчкой из разговора о работе.

— А я ему новую предлагаю, — говорю тихо.

— Вы не знали.

— Знала, что она ему дорога. Этого было достаточно.

На кухне слышно, как начинает работать холодильник. Олег проводит ладонью по лицу.

— Я знал. И все равно…

Он не договаривает. Смотрит вверх, будто видит сквозь потолок комнату сына.

Мне хочется сказать что-нибудь подходящее взрослому мужчине, который три года растит ребенка один. Но любое готовое утешение сейчас кажется таким же неуместным, как

обещание новой птицы.

— Вы можете ему сказать, что зря сердились, — произношу я наконец.

— Я не сердился на него.

— Он мог не понять.

Олег долго молчит, потом кивает.

— Вы пойдете?

— Сначала вы. Я уже сегодня торопилась.

Он встает, а я спрашиваю, есть ли у него маленький конверт. Олег приносит обычный белый и кладет внутрь кусочек крыла. На конверте ничего не написано. От этой пустоты мне почему-то делается особенно грустно.

На лестнице скрипит ступенька. Тимофей стоит внизу босой, в пижамных брюках, и смотрит на отца.

— Пап, только не выбрасывай, ладно?

Олег сразу опускает руку с конвертом, чтобы сын видел.

— Не выброшу.

— Даже если не приклеится.

— Даже если не приклеится, — повторяет он.

Мальчик подходит и берет конверт обеими руками. Олег приседает перед ним, но Тимофей пока смотрит только на белую бумагу.

— Я неправильно сказал, — произносит отец. — Можно было достать птицу. И показать можно было. Ты ничего плохого не сделал.

Сын шмыгает носом.

— Я просто хотел, чтобы она там летала.

Олег притягивает его к себе. Тимофей не сразу поддается, затем утыкается лбом ему в плечо, продолжая держать конверт на отлете, чтобы случайно не смять.

Я тихо выхожу из кухни.

Наверху Даша еще не спит. Сдвигается, освобождая мне немного места, и я ложусь рядом поверх покрывала. Дочь находит мою руку и кладет себе на живот.

Мы долго лежим без книжки и без слов. На этот раз я не пытаюсь поскорее придумать, как сделать вечер хорошим.

Глава 5

— Сегодня можно, — говорит Тимофей, когда Олег спрашивает про птицу.

Два дня коробка остается у мальчика в комнате. Он достает ее сам, проверяет конверт с оторванным краем и снова убирает. Даша больше не предлагает свои игрушки взамен и не ходит за ним по пятам. Вчера они даже успели немного поспорить про мост, и меня это радует больше, чем образцовое молчание.

Сейчас семнадцатое декабря, за окном рано темнеет. Олег возвращается вовремя и садится к кухонному столу, подвинув к себе настольную лампу.

— Посмотрим, как лучше?

Тимофей открывает коробку. Я остаюсь рядом, пока он достает птицу, и наконец говорю то, что откладываю с позавчерашнего вечера:

— Тим, прости меня. Я зря предлагала сделать другую.

Он проводит пальцем по помятому боку.

— Она бы не такая была.

— Да. Я теперь понимаю.

Мальчик кивает. Без торжественного прощения, просто принимает услышанное, и я чувствую, как понемногу уходит тяжесть из груди.

Даша стоит у моего бедра. Я не подталкиваю ее, но она

сама вытягивает шею к столу.

— Тим, прости, что порвала.

Он смотрит на нее, потом на птицу.

— Больше за крылья не бери.

— Не буду. Даже за другое.

— Даш, — тихо начинаю я, но Тимофей уже придвигает к ней закрытую коробку с карандашами.

— Можешь пока крышу дорисовать. Только не на моей части.

Дочь забирается на стул. Ее облегчение почти можно потрогать руками.

Олег предлагает подклеить крыло с внутренней стороны тонкой полоской бумаги. Тимофей долго смотрит, прикидывая, насколько она будет видна, а потом спрашивает, можно ли оставить серебристый кружок там, где он есть.

— Можно. Только подержать придется.

— Я подержу.

Я собираюсь принести клей, но он уже стоит у Олега под рукой. Его большие пальцы осторожно придерживают тонкую бумагу, пока сын совмещает края. Я смотрю на его руки и вспоминаю, как легко они справлялись с фанерой для основания. Теперь Олег едва касается крыла, чтобы не оставить лишнюю складку.

Крыло соединяется неровно. Тимофей хмурится и хочет оторвать заново, но Олег спрашивает, выдержит ли старая бумага еще одну попытку.

Мальчик задумывается.

— Наверное, нет.

— Тогда оставим?

— Давай.

Они сидят рядом, дожидаясь, пока схватится клей. Даша раскрашивает крышу с тем старанием, которое обычно предвещает дырку в бумаге. Я успеваю подложить под нее второй лист.

— Мама серебро хотела с другой стороны, — вдруг говорит Тимофей. — А я сюда.

Олег поворачивается к нему.

— Помню. Ты сказал, птице нельзя выходить некрасивой.

— Потому что клюв большой.

— Очень большой, — соглашается отец.

Тимофей улыбается, но тут же смотрит на него, будто проверяет, разрешено ли. Олег продолжает держать крыло.

— А еще она забыла, куда положила ножницы. Сидела на них.

— Я нашел! — оживляется мальчик. — Они из-под подушки торчали.

— Точно. Ты и нашел.

Разговор получается обыкновенный, почти смешной. От этого у меня неожиданно щиплет глаза. Я встаю поставить чайник и позволяю себе постоять к ним спиной, пока вода шумит в раковине.

Когда птица высыхает, Тимофей выбирает для нее верх-

нюю полку над городом. Олег закрепляет небольшой крючок, а нитку на него сын вешает сам. Видимый шов на крыле слегка тянет птицу набок, но над домами она смотрится хорошо.

Даша просит поднять ее посмотреть. Я уже собираюсь взять дочь на руки, когда Тимофей говорит:

— Только не дуть.

— Я просто глазами.

После ужина мне нужно ответить администратору детского центра. Встреча назначена на девятнадцатое, но я все еще не понимаю, как успеть взять с собой размеры стеллажей и список материалов. Даша тянет меня за рукав, пока я ищу нужную запись в телефоне.

— Сейчас, зайка.

Через минуту тянет снова.

— Мам, ты обещала поезд.

Я поднимаю глаза. Точно. Еще утром мы договорились, что вечером наш заяц наконец поедет к морю на поезде из подушек. У дочери уже приготовлен картонный билет с нарисованной морковкой.

— Даш, я только письмо отправлю, и…

— Ты всё время только.

Она не кричит. Просто говорит и уходит к лестнице, прижав билет к себе.

Первое, что хочется сделать, — объяснить, сколько сегодня всего и почему мама вообще работает. Заодно напом-

нить, что все утро мы провели вдвоем, пока Тимофей был в школе. Все разумные объяснения готовы. Только Даша сейчас не просит отчет за день.

Я кладу телефон экраном вниз.

— Поезд без меня отправится?

Она останавливается.

— Уже отправился.

— Жалко. У меня пассажир. Очень большой.

Дочь смотрит на меня с недоверием, но потом указывает на нижнюю ступеньку.

— Там остановка. Ждите.

Я сажусь ждать. Через полминуты подходит строгий проводник в домашних носках и проверяет, есть ли у меня билет. Билета нет. Приходится рисовать его на обороте ненужного чека, потому что бесплатно даже маму в поезд не пускают.

Мы перебираемся в нашу комнату, где Даша соединяет кровати мостом из одеяла. За окном воображаемого вагона идет снег, но к морю мы все равно едем, потому что там у зайца бабушка. Я спрашиваю, знает ли бабушка о приезде.

— Знает. Она же бабушка.

Логика не требует вмешательства.

В какой-то момент я перестаю придумывать, чему научить дочь во время игры, и просто ложусь рядом с ней на живот. Мы смотрим из окна поезда на лес, который пока можно видеть только с закрытыми глазами. Даша прижима-

ет ко мне плечо.

— Ты с Тимом дольше, — говорит она.

— Иногда мне нужно ему помочь. Но я понимаю, что ты скучаешь.

— Я тоже хочу сама с тобой.

Я целую ее в макушку.

— Давай после ужина будем оставлять время для нас. Я постараюсь не отвлекаться на телефон.

— А если тебе позвонят?

— Спрошу, могут ли подождать до следующей станции.

Она смеется и велит закрыть глаза. Мы уже подъезжаем.

Олег застает меня на лестнице час спустя. Я спускаюсь за забытым телефоном и на ходу пишу Кате, не лучше ли перенести осмотр до праздников. Бумаг все равно не хватает, Дашу надо будет куда-то устраивать, да и так я уже устала.

— Поезд благополучно прибыл? — спрашивает он.

Я смотрю на него поверх телефона.

— Вы слышали?

— У вас гудок далеко разносится.

— У нас хороший машинист.

Он стоит, прислонившись к косяку кухни. В руке кружка, у ног тапочки Даши, которые она оставила там перед отправлением. Олег носком сдвигает их к стене, чтобы никто не споткнулся.

— Вы девятнадцатого во сколько уедете?

— Я как раз думаю перенести.

— Зачем?

Начинаю объяснять и сама слышу, что ни одной непреодолимой причины нет. Олег выслушивает до конца.

— Я дома, как договаривались. Если хотите, Дашу тоже оставляйте со мной.

— Вам двоих сразу?

— Уже почти неделю они оба здесь. Я заметил.

— Это не ваша обязанность.

— Нет. Я предлагаю.

Я смотрю на него и не знаю, куда деть руку с телефоном. Умение принять предложение куда-то исчезает, как только речь заходит обо мне самой.

— Она может много рассказывать.

— Я умею слушать.

— Там иногда непростой сюжет.

— Переспрошу.

Мне смешно и почему-то немного хочется плакать. Очень неудобное сочетание для разговора с работодателем.

— Хорошо. Спасибо.

— Вот и договорились.

Он отпивает чай, не ожидая, что я сейчас предложу в благодарность вымыть окна или наготовить ему еды на месяц. Я удаляю недописанное сообщение Кате и вместо него спрашиваю, сможет ли она встретить меня у центра, как обещала.

Ответ приходит почти сразу. Сможет.

В переписке с администратором я подтверждаю встречу.

Палец задерживается над кнопкой отправки вс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.